

Впечатления

- А может быть, будем писать вместе?

- Как это?

- Ну, просто вместе будем писать один роман...

- Как это вместе? По главам, что ли?

- Да нет, - сказал Ильф, - попробуем писать вместе, одновременно, каждую строчку вместе. Понимаете?

Что же тут непонятного - вместе? И все же... совершенно непостижимо, как может биться не у сиамских близнецов один на двоих пульс и вызревать из хаоса мыслей слово?

Они и подписывались вместе: ИЛЬФПЕТРОВ. А когда одна половина пережила первую не надолго.

Может быть, впервые великие соавторы разделены на две равновеликие половинки. Один из них, Евгений Петров, автор, второй - герой его документального романа. Ситуация такая же невероятная, как и то, что они писали вместе.

Видимо, поэтому Евгений Петров («Мой друг Ильф», издательство «Текст») так и не стал полноценным или, лучше сказать,

Роман напишем вместе

Моск. правда - 2001 - 18 июля - с. 5.

полновесным автором книги об Илье Ильфе, хотя и делал наброски, собирал материалы. Все разрозненные фрагменты, записки, воспоминания современников, отрывки из других книг, письма, документальные свидетельства эпохи, возвращающей ей аромат (неважно - какой, но аромат) собрала в книгу дочь одного из соавторов легендарных «Двенадцати стульев», Ильи Ильфа - Александра Ильфа.

Чувство деликатности помешало ей вписать свое имя в соавторы этой книги, переместив имя Евгения Петрова из разряда авторов в герои, поближе к Ильфу.

Но ведь и Викентий Вересаев не был автором большинства из тех документальных свидетельств, которые приведены им в его знаменитых книгах «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни». Но никому в голову еще не пришло (а впрочем, все еще впереди!) оспаривать его авторство.

Евгений Петров здесь выступает скорее в роли Гомера, коллективного автора, среди которых встречаем имена Олеси, Михаила Кольцова, Ардова, Катаева, Ефимова и многих других

не таких уж и второстепенных персонажей.

В книге несколько сюжетных линий. Одна из них - история появления на свет романа «Двенадцать стульев».

Любопытно, но о нем начали говорить уже тогда, когда он еще не вышел из печати. Способствовал этому брат Евгения Петрова, или Евгения Петровича Катаева, - Валентин Катаев, уже в то время писатель известный, и еще не успевший попасть к тому моменту в опалу бывший акмеист Владимир Нарбут. Более именитый Катаев-старший, этаким Дюма-отец, подарил сюжет своему брату и другу, Илье Ильфу. И даже чуть было не стал третьим соавтором.

В частности, фигура Ипполита Матвеевича была, если верить его мемуарам, подсказана Ильфу и Петрову Катаевым. Но потом, увидев первые главы в рукописи, отказался от этой затеи. Мастерство начинающих литераторов не нуждалось в шлифовке.

Отказался, впрочем, не совсем бескорыстно. И получил за это, по понятиям сегодняшнего времени, «откат» в виде

золотого дамского портсигара. Дамский был выбран соавторами из соображений экономии, так как весил меньше.

Первые главы еще ненаписанного полностью романа появляются в иллюстрированном ежемесячнике «30 дней» в январе 1928 года, что было тогда делом неслыханным. И интрига вокруг романа начала распрямлять свою пружину уже с первых шагов. Долгое время критика никак не может подобрать слова или боятся найти их в попытке отыскать место романа в контексте epochальных свершений советской эпохи. Несмотря на огромную популярность романа в читательской среде, лишь 21 сентября в газете «Вечерняя Москва» появляется бесцветная заметка, подписанная инициалами. Ее автор не без снисхождения указывает на то, что книга «читается легко и весело». Однако в целом «роман не поднимается на вершины сатиры».

И только 17 июня 1929 года в «Литературной газете» появляется публикация, в которой говорится о том, что роман «несправедливо замалчивает критика».

К слову сказать, в последние годы бытовала легенда, согласно которой авторы были чуть ли не диссидентами. В книге, к счастью, таких эпизодов немного. И даже от примера с фельетоном в «Правде», за который главного редактора вызвал к себе на ковер Сталин, остается ощущение какой-то недоговоренности: «От писателей ждали разоблачения отдельных отрицательных явлений, создания необходимой светотени для единой прекрасной картины. Они же писали - ту правду, которая совсем не нужна была...».

Дело все же, видимо, не в неправде, а в том, что всякий талант во все времена вынужден пробивать себе дорогу сквозь множество препятствий. И наш взгляд в прошлое сквозь разоблачительную дымку мешает разглядеть детали и ощутить ход времени. Да, трагического, страшного. Но вспомним - не для того, чтобы оправдать эпоху социализма, скольким обязана литература времени Иоанна Грозного и смуте.

- Смеяться грешно! Да, смеяться нельзя! И улыбаться нельзя!



Когда я вижу эту новую жизнь, эти сдвиги, мне не хочется улыбаться, мне хочется молиться! - так говорил Ильфу и Петрову «некий строгий гражданин из числа тех, что признали советскую власть несколько позже Англии и чуть раньше Греции».

Смеясь, мы возвращаем прошлому его права. И в этом несомненное достоинство и обаяние книги.

Игорь МИХАЙЛОВ.

Петров Евгений
(Ильф и Петров)

18.06.02